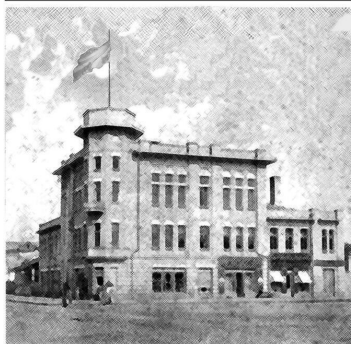

ЕЛЕНА ГВОЗДЕВА

ТРУДНО БЫТЬ НЕМЦЕМ

ЧАСТЬ 3 ВОССТАНИЕ

иллюстрации автора

Елена Гвоздева
Трудно быть немцем.
Часть 3 Восстание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69544369

SelfPub; 2023

Аннотация

1943 год, восстание против фашистских захватчиков в Павлограде – маленьком городке Восточной Украины. Подпольщики освободили родной город собственными силами. Восстание было организовано для спасения узников концлагерей и поддержки наступающей к Харькову Красной Армии. Трудно быть немцем, если ты рождён в России, вырос в Советском Союзе. Если твои этнические соплеменники явились уничтожить твою Родину, давшую тебе жизнь. Да, они говорят на одном с тобой языке, но они – твои враги. Где нашли в себе силы обычные люди – преподаватель и врач. Не спец агенты, не диверсанты, этнические немцы – родились в начале двадцатого века в тогда ещё Российской империи. За годы оккупации подпольщики спасли более пяти тысяч жителей Павлограда и советских военнопленных из концлагеря DULAG 111 от вывоза в Германию. Лишь после войны герои этой книги узнали о том, какую толику внёс каждый из них в нашу Великую Победу.

Содержание

Глава 23	5
Глава 24	13
Глава 25	20
Глава 26	46
Глава 27	59
Глава 28	69
Глава 29	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	97

Елена Гвоздева

Трудно быть немцем.

Часть 3 Восстание

"Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого своё имя, свой облик, свои чаяния и надежды.

И муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чьё имя вписано в историю..."

Юлиус Фучик

Глава 23

План восстания

План восстания вынашивался долго, кропотливо.

Очень помогли карты Павлограда и окрестностей, которые удалось достать в 767-й хозяйственной части вермахта.

Там служил лейтенант Аркадий Кузнецов, давно пользовавшийся доверием немцев, как отличный переводчик. В сентябре 1941 года он попал в плен при обороне Кременчуга. Санитары отправили бредившего на немецком языке парня в госпиталь вермахта. Это его и спасло. Немецкая армия продвигалась настолько быстро, что укомплектовать все интендантские части переводчиками было невозможно. В ходе проверки лейтенант убедил фашистов, что является этническим немцем и давно мечтал служить великому рейху. Кузнецова направили в Hilfswillige (вспомогательные войска) добровольцем. За год Аркадий дослужился до звания капрала хозяйственной части и свел близкое знакомство с Прибером, проверявшим проводку на складах.

Итальянцы и румыны считали Аркадия незаменимым человеком с широкими связями среди павлоградских торгов-

цев и поставщиков частных хуторских хозяйств на нужды вермахта. Он блистательно изображал барыгу, мог подсказать вечно мерзнущим южанам у кого можно сменить эрзац шоколад или тушенку на теплые вещи. Иногда «поставщики» из подполья таким способом получали у прибывающих с фронта кое-что из оружия, ссылаясь на то, что дороги опасны, партизаны бесчинствуют, а надежды на жандармерию мало.

Огневые точки фашистов на карту нанесли с помощью патрулей дорожной жандармерии. Каждый из отрядов досконально изучил свой участок, и все сведения были собраны воедино.

Детальный план города был поделен на сектора, обозначены важные стратегические пункты: почта, Управа, гестапо, комендатура, вокзал, склады, концлагеря, места дислокации и штабы итальянских и немецких подразделений.

В общей сложности подпольная сеть объединяла более четырёх сотен человек. Сколько к ним примкнёт во время восстания было сложно представить, но то, что оккупационные порядки довели многих до глухого отчаяния не вызывало сомнений.

К январю 1943 план сформировался в деталях. Наступле-

ние наших войск, разгром фашистов под Сталинградом воодушевил майора Кравченко, Караванченко и Рябого. Детали были продуманы, казалось, учтены все мелочи. Но без согласования с нашими войсками, продвигающимися с боями, план не имел законченности, а восстание – смысла. Дух сопротивления в городе возрастал по мере усиления репрессий оккупационных властей, неизбежных в условиях приближения фронта.

Иван Белый возглавлял подпольную группу Павлоградской электростанции, обеспечивавшей электричеством всю привокзальную территорию и нефтебазу, расположенную рядом с вокзалом. Именно группа Белого устроила на станции поломку силовых установок и трансформаторов. Темнота позволила в суматохе сбежать из эшелонов большинству пленных.

Наши ударные группы размещались не только в самом городе, но и в ближних селах: Городище, Богдановка, Карабиновка, Вербки – всего более 400 человек местных жителей и спасенных из лагерей узников.

Собранные боеприпасы позволяли вооружить до полутысячи участников восстания.

Подполье села Вербки и близкого Морозовского хутора организовал местный учитель Николай Иванович Лупырь. С документами ему очень помог Нестор Максимович Евтушенко, трудившийся в Управе села писарем. Спасённых из лагеря военнопленных устраивали в селе с помощью полу-

ченных от него аусвайсов. Ученик Лупыря – тринадцатилетний Миша Рожко собрал радиоприемник из деталей, найденных пацанами в разбитых немецких самолетах и танках. Ночами на хуторе мальчишки писали листовки со сводками Совинформбюро.

Подпольщики села организовали столкновение двух немецких поездов на перегоне Лозовая – Морозовское.

К зиме 1942 года наступление фашистов застопорилось окончательно. Германия опустошала свои заводы новыми мобилизациями. Заметно возросло количество пленных, подлежащих вывозу в рейх.

В начале декабря эти цифры стали угрожающими. Крепко решение поднять восстание и прекратить массовый вывоз наших граждан, в том числе молодых жителей города.

Но поднять восстание мало, важно удержать власть в городе. Было решено отложить до наступления основных сил нашей армии. Иначе количество жертв многократно возрастет. Это понимали все.

Константин Рябой и Караванченко приступили к более детальной разработке плана восстания. Начинать нужно было в узловых точках города: вокзал, ортс-комендатура, почта и генштаб. Согласно плану, следовало ударить одновременно в разных точках города, лишив фашистов возможности связаться для согласованного отпора и запросить помощь. Важно было отрезать связь и не дать фашистам воз-

возможности вызвать подкрепление из других городов.

Пётр Онуфриевич Кравченко, использовал всю информацию от подпольщиков железной дороги, типографии, узла связи, жандармерии и полиции, сведения из лагерей. Всё это сопоставляя и анализируя разные сценарии, вносил в этот план поправки и предложения. Его профессиональное военное образование давало возможность представить весь план глобально, всю картину возможного развития событий. В Академии Фрунзе тактике и стратегии уделялось серьёзное внимание.

Важно было максимально сберечь людей, избежать ненужных жертв, подумать о перемещении отрядов так, чтобы изолировать оккупантов в разных районах города, не дать опомниться и объединиться, связаться с соседними частями. Рядом Днепропетровск, Кривой Рог. Врачи городской больницы сделали тайники с препаратами первой помощи у девушек, подготовленных санинструктором Серафимой Ватолиной для помощи раненым во время восстания.

А пока, приходилось ждать наступления наших, накапливать в тайниках боеприпасы.

Клара. Межирич

Участие Клары в подготовке было одним из ключевых. Подпольщики в жандармских патрулях могли спокойно собирать сведения о перемещении немецкой техники, проверяя документы, фиксировать номера, обозначения и названия фашистских подразделений, дислокацию складов. Перевозить запасы оружия под видом стройматериалов для ремонта дорог. Майор Кравченко считал подпольщиков из дорожной жандармерии опорой восстания – многие были кадровыми офицерами. Несмотря на ранение и плен, не утратили боевых навыков проведения военных операций. Жандармские подразделения окрестных сёл возглавляли именно такие люди. Звание фельдфебеля дорожной жандармерии давало им полномочия постепенно выдавливать из отряда немецких прихлебателей за малейшее нарушение и заменять их людьми, направляемыми подпольем.

Пётр рассудил, что заниматься увольнением лично Кларе тоже не стоит – ни к чему давать повод для лишних подозрений и недовольства. Эту функцию взял на себя Степан Чумак.

Проблемным оставался отряд жандармерии в селе Межирич. Лейтенант Носач не смог избавиться от родственников начальника местной полиции – братьев Кабаков. Эти бендеровские твари без усталости писали доносы на всех подряд. Один из братьев – Григорий пользовался доверием Экке.

После доноса на Клару, адресованного Хайнеману и так и не достигшего цели, Кабаки решили отправить донос на

Ивана Носача. Выправка лейтенанта не вызвала у них сомнений – начальник их подразделения – советский командир.

Как обычно, и в первых числах февраля 1943 года Хайнеман не заставил себя ждать – явился с очередной инспекцией, выдал зарплату жандармам, заверил накопившиеся документы, забрал приготовленные для него продукты.

Как только водитель уложил в машину корзины с провизией, Хайнеман предложил Кларе сопровождать его по городу. Уже в машине властно бросил водителю:

– В Межирич!

У Клары противно заныло под ложечкой: "Снова – здорово... опять братья расстарались..."

Сельское управление дорожной жандармерии села Межирич располагалось рядом с Донецкой трассой. Дежурный, завидев машину куратора, скомандовал построение. Хайнеман, расправив добротное кожаное пальто с меховым воротником, прошёлся перед застывшим строем, протянул Кларе серый конверт:

– Читайте!

Строчки прыгали перед глазами. Вдох-выдох. Донос в ру-

ке перестал дрожать. Ровным, четким голосом, чтобы слышал весь строй, Клара читала, делая выразительные паузы, и лихорадочно соображала, как переводить: "Конверт был запечатан, значит, в Кривом Роге ему перевести не успели ... А, если специально заклеили, чтобы проверку устроить? Рискнуть?"

Братья Кабаки довольно обменялись взглядами. Решила повторить трюк, который провернула в начале карьеры в кабинете Лёхлера.

– Герр Хайнеман! В донесении указано следующее...

По мере того, как немецкие слова звучали перед строем, лицо Хайнемана наливалось гневом, а в глазах Носача настороженность сменилась пониманием, Иван немного знал немецкий. Фашист ткнул пальцем, затянутым в перчатку в лицо Ивану:

– Виновных под арест! Сдать аусвайсы и оружие!

Носач с подпольщиками живо скрутили Кабаков. Не слушая бляеньё ошарашенных братьев, Хайнеман зашагал к машине. Он ещё не знал, что видит Клару последний раз.

Глава 24

Штаб

Штаб подготовки восстания находился в тихом маленьком домике Лидии Паниной на Харьковской улице. Пришло время познакомить командиров групп, которым придётся действовать в связке. Несмотря на риск нарушения правил конспирации, риск несогласованности мог оказаться более фатальным. Провожая в комнату к Рябому очередного "полицая" или "жандарма", хозяйка домика качала головой и с улыбкой сокрушалась:

– Пропала моя репутация.

Для маскировки Лидия Денисовна Панина наладила самогоноварение в маленькой кладовке.

Встречи у Лидии Денисовны выглядели в глазах соседей, как посиделки за бутылкой самогона сотрудников шущманшафт. Лучшим прикрытием оказался родственник Лиды – матерый националист. Лида старательно поддерживала у Леонида уверенность, что полностью разделяет его бенде-

ровские убеждения и считает фашистов союзниками в борьбе с коммунистами, поэтому оккупационные власти считали её лояльность абсолютной. Соседи не здоровались, знакомые избегали.

В самый канун нового 1943 года генерал штаба немецкой армии, дислоцированной на Востоке Украины, Карл Бюрхард пребывал в дурном настроении. Наступление русских на юге не давало шансов удержаться фашистам на Дону и на Кавказе. Сводки о потерях рейха на Волге приводили в отчаяние:

Невесёлые мысли одолевали генерала: "Словно собаки, почуявшие неуверенность хозяев, активизировались проклятые партизаны. Даже холод им не помеха", – Бюрхард не решался сокрушаться вслух, чтобы не проявить неуверенность перед своими коллегами по штабу.

Группы

Укрывшиеся у жителей окруженцы и спасенные из лагеря узники были сформированы в два десятка боевых групп. Го-

рожане, жаждавшие отомстить оккупантам, активно пополнили эти группы.

Попов со своей группой устроил крушение двух фашистских эшелонов на участке Жемчужное – Варваровка. В результате искалечились и погибли более 700 солдат и офицеров вермахта. Двое суток фашисты не могли возобновить сообщение, растаскивая искорёженные вагоны.

На участке Зайцево – Домаха в направлении Синельниково группа разобрала более 30 метров железнодорожного полотна. Телеграфно-телефонная связь регулярно выводилась из рабочего состояния. Ночью обрезали кабели, идущие из зданий телеграфа и городской Управы.

Потюгов организовал на лубяном заводе группу из шести человек, в числе которых Филатов вывел из строя локомотив, из-за чего производство остановилось на две недели. Вместо ежесуточной нормы порядка трёх тонн пряжи для нужд немецкой армии, едва набралось двести килограмм. Яценко срывала план веревочного цеха, ухудшая качество.

На электростанции Коротич вывел из строя трансформатор, взорвался насос водокачки на железнодорожной станции, оставив без воды немецкие эшелоны. Лошади из артиллерийских частей врага погибали из-за отравленной воды. Задерживался ремонт оборудования железнодорожных веток.

Циммерман вызвал к себе Экке.

– Присаживайтесь господин штурмбанфюрер. У нас опять проблемы со связью. Приказ командующего тылом 6-й немецкой армии группенфюрера Карла Бюрхарда обеспечить бесперебойную связь на участке Днепропетровск – Полтава – Донецк снова не выполнен. Что вы сделали по охране телефонных кабелей?

– Мои подчиненные сбились с ног.

Гебитскомиссар поднял ладонь:

– Я не закончил! За последнее время электростанция несколько раз выходила из строя. Поломки участились.

– Меня уверяют, что изношенное оборудование работает на пределе.

– Это я на пределе! На пределе моего терпения! Предприятия города, с таким трудом восстановленные нами после большевистского хаоса, только за истекший год недопустили продукции почти на три миллиона рейхсмарок!

Экке промолчал, решил разумнее дать выплеснуть Циммерману накопившиеся претензии.

– А постоянные диверсии на станции!

– Склады Тодта получили дополнительную охрану. Но людей не хватает. В полицаи идут одни отбросы.

– Если я попрошу помощи в областном центре, меня сочтут не способным занимать эту должность и отправят воевать на Волгу. Обещаю, в этом случае вы отправитесь следом, вместо разгромленной армии Пулюса.

Наступление

Во второй половине января войска Воронежского фронта разгромили полтора десятка дивизий фашистов, в плен попали более восьмидесяти тысяч солдат и офицеров вермахта.

В первых числах февраля Хайнеман неожиданно прислал приказ из штаба дорожной жандармерии Кривого Рога:

"Срочно откомандировать отряд дорожной жандармерии

Павлограда в моё распоряжение".

Клара недоумевала: "Для чего? Они что, не справляются своими силами?"

В душе затеплилась надежда. Неужели Харьков освободят, наконец. Третья наступательная операция на промышленный центр должна быть успешной.

Первыми проявили панику итальянские и румынские доблестные воины. Они и так неимоверно страдали от холода в этой проклятой стране. Пытаясь утеплиться, выменивали у горожан вещи, спрятанные от конфискации для нужд армии Тысячелетнего рейха. За несколько банок тушенки можно было выменять тёплых платок из пуха и обвязать под тощей шинелью грудь и шею. Особо ценились валенки и шерстяные портянки.

За кусок старого, но тёплого сукна предлагали шоколад и сахар.

Старики посмеивались, глядя на ряженных вояк: «Да-а, не пошла немчикам впрок наука, преподанная Наполеону и Кайзеру».

У румынских связистов удалось выменять даже переносную рацию. Спрятали на Хуторах у тёти Саши – Александры Давыдовны Новиковой, на чердаке пристройки для сена. Это была удача.

Надежды на приближение наших крепки. Потухшие взгляды редких прохожих затеплились ожиданием "Скоро,

уже скоро!"

Через Таисию Зимину Кларе передали адрес надежного дома на Хуторах и пароль для хозяина явки. Сначала детей решили спрятать вместе с Таисией в многодетной семье у проверенных людей на другом конце города – Беляшовых. Вместе с Алексеевой и Галиной Пасько Зимина спрятала малышкой у разных людей: девочек у Алексеевых, а Виктора у Безуглых.

Глава 25

В суете отступления оккупантов отряд дорожной жандармерии позволил себе дерзкие вылазки в окрестных селах. Несколько отставших машин были разграблены и сожжены.

9 февраля Клара получила новое предписание от Хайнемана: быть готовыми выдвигаться с батальоном в направлении Синельниково, чтобы соединиться с 133-м батальоном и следовать в расположение Кривого Рога.

В ответ на гневные требования прибыть в Кривой Рог фрау Таблер рапортовала, что её добровольческий батальон охранной дорожной жандармерии преследует обнаглевших партизан и прикрывает отступление солдат вермахта. Хайнеман злился, но ехать боялся. "Значит – наши уже близко" – сделала вывод Клара, прошла по кабинету, проверяя, все ли значимые документы уничтожены. Несколько пустых папок заполняли полки в шкафу.

В середине дня раздался звонок, прикрыв трубку ладонью, Хайнеман тихо сообщил о наступлении Красной Армии и новой попытке освободить Харьков:

– Русские захватили Изюм и Балаклею. Сообщение по же-

лезной дороге Харьков – Лозовая затруднено, возможно, уже отрезано. Срочно выдвигайтесь!

– Герр Хайнеман! Я могу взять с собой только часть батальона дорожной жандармерии, а остальные присоединятся, как только найдут транспорт.

Затем вызвала Чумака и Нестеренко, убедившись, что их никто не слышит, сообщила:

– С этого момента мы подчиняемся штабу восстания. Группа Нестеренко в форме жандармов, стараясь не привлекать внимание, должна занять здание бывшего кожевенного завода и ждать сигнала. Каждому иметь гражданскую одежду, чтобы по команде сменить жандармские мундиры.

Это подтвердил и приказ майора Кравченко: "Оставить отряд на попечение Чумака и уйти на конспиративную квартиру".

Не хватало ещё получить пулю. А немцы, в свою очередь, не собирались оставлять фрау Таблер в городе. Она получила приказ из комендатуры: эвакуироваться. Резиденция Гебитскомиссара опустела, бои шли уже в Варваровке.

Решено было объявить, что Клара передаёт командование отрядом дорожной жандармерии своему заместителю Степану из-за внезапной болезни.

Клара, сославшись на температуру, ушла домой. Там, переодевшись в старую одежду, под видом сельской тетки ушла на Хутора.

Радость от наступления наших смешалась в сознании Клары со страхом за детей и своих людей из отряда жандармерии: "Как защитить бойцов от обвинений в пособничестве, когда Павлоград будет освобожден?"

Увы, даже самой Кларе не удастся избежать подобных обвинений, но это случится позже.

Большинство жандармов её отряда были узники, спасённые из концлагеря, потерявшие связь со своими семьями, чудом выжившие в немецком плену благодаря Манфреду Генриховичу и подпольщикам.

– Что вы хотите – слабая женщина, а тут такие потрясения? – сказал Чумак на построении отряда.

Не все в дорожной жандармерии Павлограда были абсолютно надежны, многие, особенно набранные их сёл, ничего не подозревали об истинной роли Клары. Таких, было решено распустить по домам, объявив, что отряд отправляется в распоряжение жандармерии Кривого Рога.

Чумак сформировал две группы по 50 человек из спасённых из лагерей пленных и местных подпольщиков.

Вечером получили винтовки на складе бывшего клуба

"Химик", который охраняли полицаи из отряда Нестеренко. Вторая группа дорожной жандармерии из пятидесяти подпольщиков, во главе со Степаном отправилась, якобы, в направлении Кривого Рога, согласно полученному Кларой приказу. Степан Чумак взял с бойцами под свой контроль дороги из Днепропетровска и Запорожья. Именно оттуда могла быть направлена помощь Павлоградскому гарнизону вермахта, чтобы этого не допустить, в селах Вязовок и Вербки ими были взяты под контроль мосты через реку Самару.

Бойцы жандармерии шли, а каждый думал о своём. Те, кто знал истинный приказ, должны были "не заметить" отставших, тех, кто решил потихоньку дезертировать в родное село. Тем, кто решил примкнуть к отступающим немцам и румынам, тоже решили не мешать.

Оченьгодились документы на право ношения оружия и беспрепятственного передвижения по дорогам, изготовленные с помощью копии гербовой печати и бланков.

Расчёт на то, что "самые осторожные" отстанут, оправдался. Степан предпочёл не замечать тихо слинявших и "отставших" по пути.

В селе Межирич Чумак честно предложил сомневающимся мирно разойтись по домам. А с остальными предпочёл вернуться.

11 февраля Нестеренко сам взял трубку в участке 134 охранного батальона дорожной жандармерии и ответил Хайнеману, что его приказ выполнен, фрау Таблер и жандармы выдвинулись, а ему поручено уничтожить документацию и догонять батальон.

На самом деле Андрей вместе с проверенными людьми собирался занять позиции в старом здании масло-сыр завода, примыкавшего к полуразрушенным помещениям бывшего кожевенного завода. Среди жителей города за этим зданием прочно закрепилось название «КомПом», раньше на пересечении улиц Шевченко и Песчаной располагался «Комитет помощи бедным».

Часть боеприпасов спрятали там, основная часть винтовок и гранат хранилась у Марфы Изюмской.

В ночь с 11 на 12 февраля подпольщики из отряда Нестеренко в форме дорожной жандармерии охраняли типографию, пока подпольщики печатали Воззвание к восстанию.

Основную часть воззвания написали совместными усилиями, подкорректировали текст, и Галя Пасько отнесла зашитый в подкладку листок Борису Шимановскому.

В типографии, издавшей оккупационные газеты, подпольщики распечатали воззвание к жителям города:

"ВОЗЗВАНИЕ

Украинцы! Русские!

Германский фашизм напал на нашу Родину неожиданно, предательски. И вот уже более 20 месяцев терзает этот хищник нашу страну, мстит ей за смелость создания Отчизны рабочих и крестьян.

Под мощными ударами Красной Армии мутно-коричневая волна катится назад. В этот час наш долг, наша обязанность перед народами СССР и всем человечеством – ускорить гибель этих варваров, помочь нашим Красным Героям добить фашистских псов.

Подымайтесь все честные граждане!

Пусть наши города и сёла охватит огонь негодования!

Пусть все леса наполнятся громом голосов:

К ОРУЖИЮ! К ОРУЖИЮ!

Пусть каждый дом даст бойца: пусть села превратятся в батальоны, а города в полки!

В ПОХОД! В БОЙ!

Пойте свои грозные песни и несите с собой ужас оккупантам и их лакеям.

Не беда, что у нас нет много пулеметов, пушек, танков. Города, превратитесь в леса пик, и ты деревня возьми вилы. Всё годится в хороших руках. Мы у себя дома. Нам поможет и зимняя стужа, нам поможет и дождь.

Победа или смерть!

Кто хочет, тот всё может, даже плохое оружие – прекрасное орудие, если человек храбр. Старый штык, обломок сабли, железная палка – всё способно наносить смертельные удары, если находится в мужественных руках. Партизаны 1918 – 19 годов были вооружены не лучше нас, но являлись грозой для немцев – оккупантов!

Так немедленно, как можно скорее, не теряя дня, не теряя часа каждый – рабочий, колхозник, служащий – пусть найдёт у себя или подберёт с земли всё, что похоже на оружие или метательный снаряд.

Выворачивайте скалы, нагромождайте кучи булыжника, перекуйте плуги и топоры, превратите борозды в окопы.

Сражайтесь всем, что вам попадётся под руку.

Каждый должен проявить себя.

Пусть каждый мужчина будет Чапаев или Щорс, пусть каждая женщина будет героиней!

Пусть улицы наших городов пожирают неприятеля, пусть окна шлют ему смерть, пусть из домов в него бросают домашнюю утварь, пусть с крыш на него сыплется град черепицы и камней!

Тревожьте оккупантов здесь, громите их там, перехватывайте обозы, рубите машины, ломайте мосты, разрушайте дороги, рвите провода, ройте рвы и канавы.

Пусть Украина превратится в ад, в котором сгорят немецкие фашисты!

Будем вести войну днём и ночью, будем вести её на равнинах, будем вести её в лесах, будем вести её в городах.

Без передышки! Без сна! Без отдыха!

Поднимайся украинский люд, разогните согнутую спину, и хищная стая коршунов разлетится со всех сторон.

Пусть на пылающей земле нашей родины растает, как снег, эта армия убийц!

НИКТО НЕ ДОЛЖЕН УКЛОНИТЬСЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ СВОЕГО ДОЛГА!

Боритесь с героизмом, будьте безжалостны, патриоты!

Мы должны показать, как мы любим свободу, свою Родину, как умеем выполнять свой долг.

Да сгинет чёрный мрак фашизма!

Да существует вечно в лучезарном свете наша великая Страна!"

Заранее выделенные связные между группами передали последние уточнения. По городу были размещены несколько подпольных медицинских пунктов для оказания помощи. Медсёстры Серафима Ватолина, Галя Алексеева и Галина Федосеенко вместе с врачами областной больницы и лагер-

ного ревира собрали медицинские сумки для перевязки раненных в ходе восстания.

Изюмская Марфа Васильевна в годы оккупации жила на улице Шевченко, 54. Брат её был женат на Анне – племяннице Андрея Нестеренко. От дома Марфы было совсем недалеко до масло-сыр завода, поэтому боеприпасы, одежду и несколько проверенных бойцов отряда Нестеренко спрятали там.

Галя Алексеева была связной отряда дорожной жандармерии и носила сообщения на Кузнечную улицу в дом 2. Саму Марфу Васильевну с дочерью было решено спрятать в доме Оболонской на Хуторах.

Начало

Степан Чумак скомандовал идти повзводно, разделившись "для удобства перемещения" по дорогам забитым фашистами. В городе было тревожно, ветер носил по улицам обрывки газет, полицаи попрятались. Ворота многих дворов были нараспашку, шла погрузка ящиков и мешков.

Капитан Андрей Нестеренко не всем сказал, что истинной целью его группы был старый маслозавод, где "жандармы" должны были укрыться и ждать сигнал из подпольного штаба

восстания, подробности знали лишь немногие посвященные в план.

Отряд Нестеренко был одним из девятнадцати групп. Каждая группа получила своё задание и время выступления. Идея поднять восстание и поддержать нашу армию возникла ещё при первой попытке освободить Харьков летом 1942 года у Сташкова. Майор Кравченко долго продумывал план выступления. Военный опыт кадрового офицера, образование, полученное в военной Академии, помогли учесть многие нюансы расположения в городе ключевых точек. Но прежде всего – согласованность действий со штабом наступающей Красной армии.

Кроме поддержки нашего наступления, задачей восстания было сохранение жизней пленных концлагерей и материальных ресурсов городских предприятий.

В штаб 4-го гвардейского стрелкового корпуса Иосиф Бойко – связной от подпольщиков, готовивших восстание, шёл через Варваровку. Кроме него послали Ольгу Куликову, многократно ходившую с подобными заданиями. Женщине легче пройти через немецкие кордоны к Домахе, где, как говорили, уже наши. Старалась идти обочинами, безлюдными дорожками через овраги с подмерзающими за ночь ручейками. Днём грязь раскисала, ноги вязли в чернозёме. Попадались обгоревшие грузовики, развороченные итальянские и французские танкетки. На ночь приходилось проситься в

чей-нибудь сарай или дом, лучше крайний. Немцы в такие никогда не селились, а полицаи и староста заглядывали реже.

Решено было к 10 февраля привести все группы в полную боевую готовность. Наметили объекты, предназначенные к захвату в первую очередь. Распределили по группам: какие выступят первыми, а какие останутся в резерве, устроив засады на пути отступления фашистов. Важно было не дать оккупантам уничтожить оборудование предприятий. А главное – связаться с соседними гарнизонами вермахта.

Первыми ударить должны были отряды села Богдановки и Богуслава. Вместе с отрядами из села Вербки и Вязовок освободить свои родные места от полицаев и двинуться вместе с отрядами сёл Зайцево, Межирич и Карабиновка – перекрыть направления наиболее вероятного бегства оккупантов.

Личный состав Павлоградской дорожной жандармерии разделился: группа Андрея Нестеренко выдвинулась занять старое здание завода по переработке молока.

Остальных Степан Чумак собирался вывести на шоссе в сторону Кривого Рога, якобы выполняя приказ Хайнемана. На самом деле соединиться с ожидающими в засаде из группы Носача.

Звонок в кабинете Клары прозвучал неожиданно, выслушав приказ Экке собрать всех к девяти утра, Степан чётко по-военному отрапортовал:

– Я воль, герр штурмбанфюрер! Нет, фрау Клара ещё не вернулась.

Экке с подручными опоздал. Испытывая смутное беспокойство, вечером он направил к штабу 134-го батальона дорожной жандармерии отряд карателей, не дожидаясь утра. Пустая караулка. Обрывки бумаг тихо шелестели на сквозняке.

35 -я Гвардейская стрелковая дивизия 4-го стрелкового корпуса 6-ой армии вела наступление через Лозовую.

12 февраля передовые части дивизии в ходе боёв заняли Орельку и Юрьевку, на севере от Павлограда. 25 км – приличное расстояние и подпольщики понимали, что быстро его не преодолеть.

Вся задача на связь с нашими наступающими частями Юго-Западного фронта была возложена на связных, пробиравшихся разными дорогами. Кто-то из них должен добратся.

Бой отряда Нестеренко

Отряд Андрея Нестеренко погубил предатель.

Накануне самых, казалось, ненадёжных в батальоне увели по дороге на Кривой Рог под командованием Чумака. Но заглянуть в душу каждому невозможно.

Вечером Нестеренко построил оставшихся во дворе дорожной жандармерии и сообщил об участии в восстании. Не все в отряде были готовы рисковать своей жизнью. Патрулировать дороги – это одно, а вступить в бой с фашистами – совсем другое. Но улизнуть незаметно не удалось. Подпольщики успели перехватить одного из малодушных уже за воротами и, врезав для вразумления, заперли в подвале. Решили: пока очухается посидит под замком. Это и стало роковой ошибкой.

Песчаная

Утром 12 февраля фашисты снова явились в участок дорожной жандармерии и, никого не обнаружив, решили дос-

конально обыскать все помещения. Найденный "страдалец" им и поведал, куда делись жандармы.

К заброшенному зданию завода подтянулись итальянские стрелки, за ними виднелись немецкие автоматчики.

Фашисты окружили старые постройки маслозавода, частично разрушенные, стреляли из-за полуобвалившейся кирпичной стены.

Организовав перевязку раненых, Нестеренко поручил их бойцам, занявшим позиции сбоку от оконных проёмов фиксировать перемещения итальянцев и немцев. Фашисты явно ждали подкрепления.

"Как неудачно, что нас обнаружили раньше времени, ещё не все отступающие части вермахта успели уйти из города" – сожалел Андрей Никонович.

Солдатам итальянской Колонны Марио Карлони было приказано окружить здания, прилегающие к заводу. Воспоминания полковника изложены в книге "Colonnello Mario Carloni La campagna di Russia".

Бой начался в три часа дня. Бойцы Марио Карлони доставили к месту боя пушку и стали бить в центр здания, бросали зажигалки. Фашистские снайперы с крыш прицельно били по окнам. Подпольщики укрылись в подвале котельной.

Итальянский расчет подтащил несколько мелких орудий, но их снаряда хватило, чтобы лопнули остатки стёкол, и про-

села часть перекрытия. Загорелись балки.

Подпольщики старались метко стрелять по расчету орудий, не давая навести прицел. Оставалась последняя надежда – дотянуть до темноты и пробираться к притоку реки Волчьей, мелкой Гнёздке.

Несмотря на приказ об отступлении, оккупанты не собирались снимать осаду с масло-сыр завода.

Экке метался, занимаясь эвакуацией архива гестапо, когда ему сообщили, что огонь по итальянцам ведут бойцы фрау Таблер.

Добравшись до завода, штурмбанфюрер направил во двор гестаповцев под прикрытием бронетранспортёра.

Удачно брошенная граната убила водителя и несколько солдат в чёрных мундирах. Экке укрылся за зданием проходной.

"К дьяволу, пусть итальяшки отдуваются".

Дымовая завеса позволила штурмбанфюреру добраться до ближайшего кубельвагена:

– В гестапо!

"Не хватало сдохнуть в этом захолустье, так и не увидев своих детей, – гестаповец вытер лоб, взмокший под фуражкой, несмотря на холод, – детей... детей!? Ведь у фрау Таблер трое, кажется. Срочно доставить их в гестапо!"

Осмотрев пустую квартиру, Экке нашёл мундир Клары в шкафу. По всем признакам ждать её здесь было бессмысленно. Обнаруженные в столе фотографии, приказал раздать патрульным, опросить соседей, искать няню.

До утра в городе не стихала стрельба.

Группа Андрея Нестеренко была вынуждена вступить в бой на масло-сыр заводе, когда остальные группы подпольщиков только выдвигались и были не готовы выступить раньше намеченного срока. Это сорвало бы тщательно подготовленный план и привело к серьёзным, а, главное, напрасным потерям.

Бой на Песчаной был закончен 12 февраля уже в темноте. Умирая, Андрей Нестеренко написал кровью:

"Нас было 21.

Стояли насмерть.

Погибаем, но не сдаемся"

Тогда это то была улица Песчаная, теперь улица Восстания, пересечение с Шевченко.

Вместе с Андреем Никоновичем Нестеренко погибли:

Григорий Зозуля

Иван Величко
Иван Карпович Черкасский
Иван Григорьевич Носач
Леонид Чумак
Пётр Троценко
Володя Алексеев
Прокоп Задорожный
Николай Козорог
Фролов
Сережа Устинов
Серов
Иван Кузменко ...

.....

В 1997 году канал ННТ.com.ua показал документальный фильм М. Лединой "Последний свидетель"

«Это была улица Песчаная, теперь улица Восстания, дом – бывшее здание проходной на пересечении с улицей Шевченко.

Дмитрий Васильевич Кравченко рассказывает о событиях восстания февраля 1943 года.

Корреспондент газеты «Правда» Руднев от 24 февраля 1943 года писал в статье "Ветер с Днепра":

"В Павлограде мы познакомились с секретарём партийной организации Садовниченко, больше года он трудился в глубоком подполье, ему помогали Караванченко и Прибер и другие.

На одном из домов мы прочли сохранившуюся листовку:

"Пример, достойный подражания

Советское Информбюро 5 февраля 1943 года..."

...

Вечером 18 февраля восставшие смогли впервые открыто собраться помянуть тёплыми словами тех, кто не дожил до этого счастливого дня – погибли на виселицах и в фашистских застенках..."

.....
Дмитрий Васильевич Кравченко уроженец Павлограда:

"Я здесь родился и вырос,

в 1942 в июле вступил в подполье, выполнял поручения.

12 февраля 1943 года нас собрали в здании маслозавода на улице Песчаной (теперь улица Восстания) и распределили по подразделениям, сообщили имена командиров отрядов.

Нам было приказано собраться здесь на следующий день к 12 часам дня. Тогда маслозавод назывался "КомПом" (Комитет помощи бедным).

Наш командир Андрей Нестеренко меня с товарищем Иваном Кузьменко назначил дежурить на проходной завода с 10 часов – пропускать только своих, сообщить в случае

непредвиденной ситуации. Пропускали по паролю "Кровь за кровь".

Через полчаса, примерно в пол-одиннадцатого, нас сменили товарищи, и мы перешли в здание, располагавшееся внутри территории завода, в 100 метрах от проходной. Подпольщики прятались на этажах. Один из бойцов увидел в окно приближающихся немцев и крикнул нам.

Впереди немцев шёл наш товарищ Козорог Николай, сменивший меня на проходной, обезоруженный фашистами. Подпольщики дали залп по немцам, пару человек упали, остальные укрылись за постройками, оттащив с собой Николая.

Фашисты связались с прибывшим накануне в город итальянским формированием и попросили подкрепление. Накануне наступления нашей армии через Павлоград двигались немецкие войска.

Немцы отступали, в городе ещё оставались тыловые службы, гестапо, комендатура, отряд дорожной жандармерии в котором служила группа Нестеренко.

В краеведческом музее Павлограда хранится отрывок из мемуаров Марио Карлони – итальянского полковника, руководившего обороной Павлограда:

"Внезапно со стороны завода, расположенного на северо-востоке города, немецкий патруль подвергся интенсивному обстрелу. В результате был убит один из солдат, трое ранены, это совпало с сообщением о приближении к горо-

ду многочисленных танковых расчетов, а также русских моторизованных патрулей, проникших в пригород. Наверняка речь шла о секретной акции, согласованной с регулярными частями и местными элементами. Я приказал подполковнику Марини срочно ликвидировать пункт сопротивления и заваруху, вспыхнувшую на фабрике, где забаррикадировались хорошо вооруженные люди".

Дмитрий Васильевич Кравченко:

"Итальянцы подтянули пулеметы и даже пушки, а у нас было несколько автоматов, но в основном винтовки, ещё до-революционных, образца 1891 года, несколько гранат. Завязался бой, меня Андрей послал на второй этаж, там мы оборудовали небольшой запас патронов и винтовок, и велел принести вниз. Несколько раз я поднимался туда и подносил нашим боеприпасы.

Андрей оставил меня в распоряжении Черкасского Ивана Карповича, фронтовика из села Межирич, занявшего с напарником позиции на втором этаже. Немецкие снайперы вели огонь с крыш соседних зданий. Я пристроился с винтовкой у окна слева от Ивана Карповича, товарищ Черкасского был убит выстрелом снайпера.

Из окна со стороны загот-кожевенного завода слышался шум. Это Иван Величко бросился на помощь товарищам, но его накрыло разрывом гранаты посреди двора.

В самом начале боя Нестеренко Андрей послал Ивана Кузьменко на конспиративную квартиру связаться со штабом восстания с просьбой о помощи и сообщить Караванченко Андрею Павловичу об их преждевременно обнаруженном отряде.

В итоге я остался в живых один. Почти все мои товарищи погибли, двое тяжелораненых были захвачены фашистами, дальнейшая их судьба неизвестна, их имен я не знаю. Отряд был собран не только из жителей нашего города, но и окрестных сёл: Межирич, Хутора, Городище, многих я не знал. Из отряда мне были знакомы человек двенадцать, не более.

По первому этажу ударила пушка, доставленная итальянцами. Мы укрылись за простенками ближе к торцу второго этажа, а снаряды били в середину здания.

На какое-то время стрельба утихла.

Иван Карпович Черкасский решил живым не сдаваться, пристроил карабин к виску, когда понял, что фашисты ворвались на первый этаж. Перестрелка возобновилась уже в здании и продолжалась почти до десяти часов вечера. Разрозненные части отряда не знали живы ли их товарищи. В сумерках немцы бросали зажигалки, противоположное крыло загорелось, стало светло от пламени. Горящие балки обрушились вниз, в пламени рвались патроны, дым немецких зажигалок выедал глаза. Я с оставшимися товарищами укрылся в полуподвале котельной.

Андрей Нестеренко приказал Прокопу Задорожному от-

влечь нацистов огнём. Прокоп был постарше меня, примерно 1923 года рождения, мы посадили его из окна, помогая выбраться из подвала. Пробежав несколько шагов, Прокоп упал во дворе. Нестеренко решил, что Задрожный убит и следующим отправил меня с приказом доставить донесение в штаб восстания.

Выбравшись из подвального окна, я услышал от Прокопа: "Ложись! Как только стихнет огонь, подхватываемся и бежим в разные стороны". Залегли и уговорились рвануть, как только чуть ослабнет перестрелка и прогорит солома.

Ночь была лунная, остатки снега освещал пожар. Дождавшись передышки в стрельбе, я рванул к постройкам, левее кожевенного завода, на бегу отслеживая продвижение товарища. Пуля зацепила меня неожиданно, Прокоп упал, я тоже бросился на землю и понял, что пули лупившего в нашу сторону пулемета пролетают выше, не задевая меня. "Значит, я оказался в каком-то углублении от взрыва" – догадался, скорчившись от боли. Через несколько минут фашисты перенесли огонь на другие цели – решили, что я убит. Попытался ползти, снова ударили в мою сторону. Рядом были рытвины, раскопы глины для строительства – "глыныще", говоря по-украински. Добравшись до сарая, я смог по рытвинам выбраться к реке Гнёздке, протекавшей на задворках завода и по ней смог добраться до Хуторов, благодаря тому, что по льду ползти легче, кто-то ползком, где-то перебежками. Так закончилось моё участие в восстании.

Несмотря на то, что я уже сорок пять лет живу не в Павлограде, этот город моей трудной юности навсегда остался для меня родным и уникален тем, что с населением около всего 38 тысяч жителей смог организовать сопротивление фашистским захватчикам. Это единственный случай на оккупированной территории нашей страны. У павлоградцев патриотизм передавался из поколения в поколение, сказывалась казацкая кровь. Большой приток рабочих, специалистов военного производства 55-го завода и артполигона накануне войны сформировал высокий уровень самосознания и непримиримости».

«Всё больше времени отдаляет нас от тех событий, всё меньше остается в живых свидетелей героической защиты. Мы вечно должны помнить их подвиг».

М. Ледина, И. Ледин

.....

На рассвете Таисия Зимина пробралась на Хутора и сообщила Кларе, что дети спрятаны, а саму Таблер ищет гестапо. В спешке из квартиры Клары не успели унести патроны. Таисия вызвалась вернуться, чтобы забрать патроны и уни-

чтожить фотографии Клары и детей. Там её и схватили фашисты.

Разгромив группу Нестеренко, фашисты решили, что восстание подавлено. Подпольщики погибли под огнём орудий и пулеметов, из которых итальянцы методично расстреляли здания.

Несмотря на готовность немцев к эвакуации, паники в городе не было. Было объявлено, что части вермахта меняют дислокацию. Многие полицейские своим усердием старались заслужить возможность уйти с хозяевами. Именно такой усердный и опознал Таисию Зимину, считавшую, что её ничего не угрожает. Ситуация осложнилась тем, что при ней нашли патроны.

14 февраля началось наступление частей 35-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Подход наших ожидался со стороны Лозовой и Богуслава. Навстречу им были отправлены проводники, чтобы помочь сориентироваться.

Фашисты успели казнить пятерых подпольщиков, захваченных на масло-сыр заводе. Известно, что среди них был Андрей Андрианович Скалозуб из отряда дорожной жандармерии села Межирич, и сотрудник типографии Павлограда Борис Иванович Шимановский. Следующая показательная казнь была назначена на 17 февраля. В гестапо непрерывно шли допросы.

Вечером 12 февраля, воспользовавшись тем, местный гарнизон был стянут к месту преждевременно разгоревшегося боя, и перемещения по городу упростились, Пётр Онуфриевич приказал передислоцировать в центр города все основные группы, благо запасные адреса были подготовлены заранее.

Штаб восстания из дома в конце Кузнечной улочки у зарослей речки Гнёздки теперь переместился в цент города – в подвал часовщика Осьмиченко, прямо напротив отделения гестапо.

Кто бы мог заподозрить лояльного частника, исправно выплачивающего налог в рейхсмарках в таком неслыханном коварстве? Именно на это и рассчитывал Пётр.

– Преждевременная схватка на маслозаводе грозила сорвать весь план восстания. Другие отряды не стали вмешиваться, это резонно, – вздохнул майор. – Несогласованность выступления с нашими частями может слишком дорого обойтись. Ваши предложения...

Из курса Академии Фрунзе об истории повстанческих выступлений, он помнил, что восстания чаще всего вспыхива-

ют на окраинах. Следуя этой логике, прибывшие позже каратели и начали зачистку с окраин, не затронув основные силы подпольщиков.

На следующий день по распоряжению группенфюрера Карла Бюрхарда из Днепропетровска прибыла 14-я карательная бригада вместе с шефом областного гестапо Мульде.

Методично прочесывая окраины, фашисты вытаскивали из домов всех, кто хоть как-то подходил по возрасту, даже не вникая, причастен человек к восстанию или мирный обыватель. Мужчин расстреливали прямо во дворах.

Даже те, кто до сих пор надеялся отсидеться, их близкие преисполнились жаждой мщения.

Уверенный в подавлении восстания Мульде отправил отряд 14-й карательной бригады навстречу нашей армии, заметно ослабив местный гарнизон.

Глава 26

Тася

Экке вернулся в кабинет, хмуро выслушал донесение.

– Её нянька схвачена! Уйти не успела, соседи и водитель её узнали, помогли схватить, но детей в доме не было. Водитель Клары, тоже доставленный в гестапо, твердит, что отвёз фрау домой, что она заболела и собиралась вызвать врача.

– Искать! Развесить по городу портрет этой стервы с обещанием выдать тысячу марок за помощь в аресте!

Детей Таисия увела ещё ночью. Вернулась за тёплыми вещами, патронами и попалась. Решила притвориться сельской забитой девахой, заголосила на суржике:

– Та нэ знаю ничога. Вэлилы зибрать дитэй. Прийшов чоловік у форми жандарма, та й увёл. Я його нэ знаю, у форми уси однакови. Та нэ дывылася на його! Дитэй одягала.

– У тебя будет время его вспомнить! И не только его. Где дети? Соседи видели, как вчера ты вывела их из дома. Водитель уверяет, что утром дети были дома, когда он заехал за фрау.

От побоев гудела голова.

– Куда ты отвела детей? Отвечай!

"Ну, уж хрен вам! – мстительно зажмурилась Таисия Зими́на, притворяясь испуганной, – уже слышна канонада рядом с Лозовой. Нужно выиграть время, запутать, может, не успеют расстрелять. Клара что-то говорила о приказе из Кривого Рога".

Переводчик гестапо вlepил ей пощечину.

– Ой, Божэчки! Клара казала, шо получила приказ из своим отрядом иты у Кривый Риг. А диты з нею! А як же! Ой, за шо мэни цэ...

– Приказ! Плевала она на приказ!!! Если поможешь их найти – получишь тысячу марок!

Таисия закрыла глаза: "Ну да, очень вовремя! Нашим подарю на самокрутки", – хотелось сказать. Сдержалась. Глу-

повато округлила глаза, жадно сглотнула:

– Та я ж з усим нашим уважением! Так и сказала фрау: "Отбываю у Кривый Риг".

– А что же тебя не взяла?

– Дуже поспишала, господин хороший! А за харчи и там желающих нянькатысь повно.

– Врешь, тварь! Тебя соседи видели ночью с детьми! – новая пощечина, затылок больно ударился о спинку стула.

– Та я ж кажу! Жандарм велел дитэй зибрать и вывэсти, а фрау у машине, шо на углу, ожидала.

– Бред! Врёшь! Машине вполне могла ждать у дома!

– Так фрау ж боялася, шо суседи побачать, глазастые такие! Шоб им повылазыло...

– Соседи, сознательные люди, всё рассказали, как было!

– Ой, Божэчки! Господин хороший! Так я и кажу ж усё, як сусиды говорят!

– Твоя фрау мразь! Предала Германию!

– Та то сусиды усё брэшут! Они ж фрау завидовали! Ага! И паёк и форма! И почёт! А машина якая личная! С шофёром! И...

Допрос длился несколько часов. Ни обещанная награда, ни угрозы, ни побои не дали никакой информации гестаповцам.

– Хватит!!! Ты сдохнешь вместо неё, если не поможешь!

Глаза ничего не видели, лицо превратилось в заплывшую маску.

Корчась на полу камеры после пыток, девушка твердила шёпотом: "Дети не виноваты, ни в чём не виноваты... ни в чём..."

Таисия Зимина не стала покупать свою жизнь за счёт малышей.

15 февраля

Ольга благополучно доставила майору Кравченко согласованный план выступления подпольщиков из штаба 4-го Гвардейского корпуса. Капитан Андросов, направленный из штаба армии вместе со связной Ольгой Куликовой, должен был внести последние коррективы в штабе восстания.

На карте города, подготовленной Константином Рябым за несколько месяцев до восстания, Андросову показали весь план выступления. Всю ночь вносили поправки, советовались, отвечали на вопросы капитана вместе с майором Кравченко, прислушивались к мнению нового человека, который свежим взглядом кадрового военного оценивал всю картину действий девятнадцати отрядов подпольщиков.

Отряд Прибера готовил нападение на карателей полиции и гестапо.

Направляясь в DULAG 111, Манфред Генрихович старался идти окраинами. Патрулей заметно прибавилось, удостоверение фольксдойче пришлось предъявлять чаще. По улице Днепровской ползли тяжёлые грузовики MAN и немецкие самоходки. Манфред видел их в просветах переулков, выходящих к трассе, стараясь идти параллельными ей улочками. Не слышно было губных гармошек, как во время летнего наступления фашистов.

«Пожалуй, и губы приморозить можно на ледяном ветру», – усмехнулся врач.

Хуже всего было итальянцам. Напялив на себя всё, что смогли отыскать у жителей из тёплых вещей, они были похожи на бродяг. Старушки во дворах крестились, приговаривая: «Сгиньте, антихристы...»

В лагере было беспокойно. Вебер приказал вывести всех на плац и построить. Врачи тихонько передавали по цепочке стоящим в задних рядах:

– Натрите лица снегом с песком, чтобы видна была нездоровая краснота.

Понимая, что остальных могут просто расстрелять, оберarzt предложил следующее:

– Герр Вебер! Я вот что подумал. Чтобы максимально увеличить очаг заразы, предлагаю смешать остальных с инфицированными и запереть в разных бараках. Пока русские доберутся до лагеря, зараза распространится на максимальное количество узников. Тем самым увеличив поражающий эффект.

– Да-да...

Веберу некогда было возиться с ранеными. Сейчас его главной заботой был вывоз накопленных ценностей. Торговля пленными принесла солидный капитал. Ему до смерти надоел этот DULAG 111 и заштатный городишко.

Чтобы отвязаться побыстрее, он подписал Манфреду заготовленный врачом секретный приказ для того, чтобы отступающие из Богуслава солдаты вермахта не расправились с их «заготовкой». Комендант приказал надзирателям загнать всех доходяг, на которых укажет персонал ревира, в тифозный барак для создания русским очага заразы.

Врачи ревира загнали всех в бараки. Посвященные в замысел санитары и медсёстры остались с узниками, чтобы потихоньку объяснить им смысл происходящего, успокоить их и предупредить: сидеть тихо.

Василий Ковальчук собственноручно написал на всех бараках «typhus» и заколотил досками. В открытом бараке оставил самых измождённых.

Расчёт врачей оправдался. Как только Вебер укатил, главной задачей охраны стало успеть занять место в грузовиках и убраться под грохот приближающейся канонады.

На узников им было наплевать.

Байбара метался по дому. Два года оккупации позволили

скопить немало ценного. Люди откупались от угона в Германию, чем могли. Несли отрезки ткани, вышиванки, даже обручальные кольца отдавали, чтобы выкупить детей.

– И куда теперь всё это? Освободители! Так их за ногу...

А он-то надеялся через пару лет построить себе усадьбу с прислугой и батраками. Может и в Европу съездить, посмотреть, как люди живут. Всё прахом! Хоть бы в какую-нибудь машину взяли. Не пёхом же драпать. Сколько всего придётся бросить: мебель, зеркала, посуду. Байбара вытряхивал из тайников золото и украшения, запихивал всё это в старый чулок. Обмотал вокруг толстого живота, затем сдвинул выше под грудь и пристегнул булавками к подтяжкам. «Так ещё хуже, как сиськи у бабы».

Пришлось опустить под пузо к ремню брюк. «Ладно, под кожухом не видно. Нет! Надо ж было часть отложить на подкуп водителя! Дорого мне обойдётся местечко в грузовике, а остаться – ещё дороже».

Не суждено было барыге и начальнику Биржи спастись. Слишком многих родителей этот гад лишил детей, накопились к нему вопросы. Его узнали даже в стареньком, драном кожухе и облезлой шапке. В такое голодное время упитанную фигуру не спрятать. Отомстили. Караванченко не забыл "доброму" соседу свою жену и дочь.

Андрей Павлович Караванченко со своими бойцами был

нацелен на городскую Управу с, прилегающей к ней почтой и телеграфным отделением. Домой зайти так и не нашёл в себе сил, нет ни жены, ни дочери.

Группа Рябого должна была сосредоточиться в центральной части города, где располагался гебитскомиссариат и ортс-комендатура.

Несколько групп было отправлено к мостам через реку Волчью – железнодорожному и автомобильному.

Важно было освободить пленных из концлагерей, не дать фашистам уничтожить наших людей на Литейном и в Богуславском лагере. К счастью, удалось освободить колонну из 300 узников, которых каратели гнали на расстрел.

Внести панику в отступающие итальянские части должна была группа, захватившая здание бывшего мукомольного техникума, уничтожив размещенный там штаб итальянских подразделений.

Важно было лишить оккупантов возможности вывезти продовольствие и боеприпасы, это была задача группы, нацеленной на пакгаузы в привокзальной зоне.

Не менее значимо было оперативно отбить горячее для военной техники вермахта.

Представитель штаба дивизии капитан Андросов из 4-го стрелкового корпуса, в целом, одобрил намеченные диверсии, но предупредил, что раньше 18 февраля частям корпуса не пробиться к Павлограду, а выступить надо согласованно. Решили начинать, пока наши части в пути.

Ситуация в Павлограде не позволяла отложить восстание, несмотря на то, что передовые части задержала распутица и отчаянное сопротивление фашистов. Это было связано с сообщениями охранников из гестапо о готовящейся массовой казни на городской площади.

Медлить было нельзя.

Разгром

Узнав об аресте Зиминной и гибели группы Нестеренко, Клару срочно перевезли вглубь Хуторов, в глухих переулках было много надежных семей. Силы человеческие не беспредельны. Нервы Таблер сдали, жар и лихорадка отбирали последние силы. Слишком много потрясений свалилось на плечи этой маленькой храброй женщины. Слух об аресте Петра окончательно подкосил её.

Несмотря на отступление, оккупационные власти продол-

жали работать чётко. По всему городу расклеили листовки с портретом Клары и обещанием награды за сведения о преступнице и её детях.

На площади установили новые виселицы. Обыскивали подряд дома перепуганных жителей. Стрельба на окраинах не проясняла ситуацию, понять, кто ведет бой – партизаны или наступающая Красная Армия было невозможно. Те, у кого был погреб, несмотря на холод, забились в укрытие. Несколько домов фашисты подожгли, пытаясь отсечь отряды восставших.

Никто не мог понять, где правда: говорили, что наступление наших остановлено, а восставших истребили. Или всё наоборот.

Потери наших не позволяли продвинуться армии к восставшему городу в намеченный срок. Только к вечеру 16 февраля части 35-й Гвардейской стрелковой дивизии освободили село Вербки и подошли к северной окраине Павлограда.

Связь между ближайшими гарнизонами противника была прервана. Напрасно Мольтке высылал связистов. Никто из них не вернулся.

В три часа пополудни над городом заревела сирена, немцы объявили эвакуацию. Бросив несколько заглухших грузовиков, итальянцы и немцы спешно двинулись в сторону Синельниково.

По слухам фронт продвинулся к Богдановке и на востоке Павлограда, поэтому решили Клару вывозить через Богдановку. Не успели.

К Манфреду Генриховичу в пристройку рентген кабинета Маша Лубянская добралась уже в темноте. Врач заварил заплаканной осунувшейся девушке травяной чай. Немного успокоившись, Маша рассказала о трагедии на Песчаной.

– Доктор, миленький, все погибли. Уцелел только Димка, полз по льду Гнёздки. От него и узнали, как всё произошло. Еле дошла к вам, фашисты лютуют.

Манфред обнял измученную Машу:

– Передай, что самые истощённые пленные в лагере на Литмаше заперты в бараке. Мне удалось внушить Веберу идею оставить больных в инфекционном блоке с целью заражения наших бойцов. Я оставил там Василия Ковальчука. Он должен успокоить пленных, а отступающим немцам предъявит якобы секретный приказ Вебера. Бланк я передал.

– Да, так у нас есть шанс их уберечь. Они обессилели, а в

городе их сейчас спрятать невозможно. Ларцев сказал, что из Днепропетровска прибыла карательная бригада. Арестованы семьи «жандармов», убитых на Песчаной – тех, кто родом отсюда. Не всех удалось вовремя спрятать, – Маша всхлипнула, – схватили сотрудников типографии.

Глава 27

Восстание

Ночью 16 февраля опять подморозило. Время начала восстания выбрали исходя из расписания смены вражеских постов: 5 утра.

Кравченко тихо вышел во двор часовщика Осьмиченко. Тихо. До рассвета ещё есть время. Ракетница холодила пальцы. В небо взвилась ракета, вспыхнула зеленой звездой в тёмном небе – распалась на искорки. Её догнала красная. По городу летел рёв заводских гудков, звук подхватили паровозные.

Как и намечалось, восстание развернулось в полную силу. Первыми вступили группы на улице Харьковской. С юга пошла в наступление группа Ивана Платоновича Савченко.

Сработал эффект внезапности. Фашисты не понимали, откуда огонь. Русский десант? Прорыв немецкой обороны со стороны Красной Армии?

Городская сеть уличных репродукторов внезапно ожила

и голосом Караванченко сообщила об освобождении Павлограда. Вот только рация, настроенная на частоту оперативного отряда штаба 6-ой армии не подавала признаков жизни. На призыв штаба восставших: "Я – Рубин" ответа не было.

В первую очередь взяли под контроль здание почты люди из группы капитана Луценко. Над площадью в первых лучах расправил полотнище советский флаг. Словно говорил: "Смотрите, я вернулся!"

Отряд Юрия Осьмиченко вместе с группой Белого заняли позиции вокруг штаба итальянцев, успевших заблокироваться изнутри в трёхэтажном здании бывшего муко-мольного техникума. Нельзя было дать им возможность вызвать поддержку по штабной связи 104-го итальянского полка. Было неизвестно, насколько в штабе велики запасы боеприпасов, что успели вывезти, а что ещё осталось. Решили так: "Придётся искать запасные выходы или взрывать укреплённую дверь".

Фашисты отступали, прятались в подвалах те, кто не успел уйти. Константин Рябой получил ранение в руку и быстро терял силы. Девушки из группы Серафимы умело наложили повязки.

Сыновья часового мастера Саша и Георгий со своей группой обеспечивали защиту родного дома вместе со штабом восстания и прикрывали группу Ивана Тихоновича Белого,

который перебросил силы на захват гестапо и комендатуры.

Схемы дислокации германских соединений оказались среди документов, захваченных в ортс-комендатуре. Через связного их срочно переправили командованию наступающего 4-го гвардейского стрелкового корпуса.

К восставшим примкнули и полторы тысячи освобожденных военнопленных из трёх концлагерей и узники городской тюрьмы, наименее пострадавшие от пыток.

Бойцы группы Леонида Даниловича Фоменко расправились с полицией села Вязовок и двинулись в засаду вдоль дороги, контролируя возможное бегство оккупантов из города.

На западе группы Вильянова и Маслова перекрыли трассу на Днепропетровск.

Уцелевшие бойцы дорожной жандармерии, скинув ненавистную форму, растворились среди восставших.

Группа Попова Ивана захватила станцию.

Бойцы Николая Лупыря захватили на Харьковской два орудия у растерянных итальянцев.

Свободный город

17 февраля наши вошли в Павлоград. Наступление велось с трёх сторон при поддержке танков. К середине дня удалось

захватить мост через Самару на западной окраине, который итальянские берсальеры так и не смогли удержать.

Отступление оккупантов к Новомосковску было поспешным и беспорядочным. Тем не менее, в отчетах Марио Карлони уверял, что смог подавить восстание подполья в Павлограде и лишь стремительное наступление Красной армии не оставило ему шансов удержать город, исключительно потому что помощь немецких частей из Днепропетровска вовремя не успела.

Улица была усеяна убитыми солдатами Дуче. Что забыли эти, рожденные в солнечной Италии, говорливые вояки.

Прибер и Кравченко присели у стены старой аптеки.

– Их погубило отсутствие воображения, – выдохнул дым майор.

Прибер перевел вопросительный взгляд на Петра:

– Поясни.

– Если бы они имели, хоть толику воображения, они бы могли представить, что чувствует побежденный. Что чувствовали люди, которым они щедро раздавали боль. Теперь к ним вернулось причиненное ими зло. Пока они не почувствовали всё это на собственной шкуре, их воображение

молчало.

– Ну, ты философ! – присвистнул Степан.

– Да, – просто согласился Пётр, – лёжа в госпитале, думал. почему врачи и сестрички так заботливы, словно раненые их родные. И понял: сострадающий, как раз и наделен воображением. Каждое горе примеряет на себя.

Впоследствии, остатки Колонны Карлони были отправлены на перегруппировку в белорусский Гомель.

Освобожденные из гестапо узники плакали. Шесть десятков человек уже мысленно простились с жизнью и ждали казнь.

Спасти Таисию Зимину не успели, после зверских пыток девушка умерла, не дождавшись помощи.

Среди освобожденных была Галина Федосеенко, поэт Николай Шуть, единственный уцелевший из отряда Нестеренко парнишка – шестнадцатилетний Дмитрий Кравченко. Его схватили уже за Хуторами вечером 13 февраля. Бой на маслозаводе произошёл за 4 дня до освобождения частями на-

шей армии.

Спасенный от виселицы за день до казни Николай Шуть написал:

Освобождённый город!

И только потому

Ты вдесятеро дорог

Стал сыну твоему.

Боевая группа Ивана Соколовского первая соединилась с авангардом наших танкистов из 4-го гвардейского корпуса и с ними вернулась в освобожденный город 17 февраля, разместившись на Полтавской улице. Всю захваченную технику: четыре десятка грузовиков, полтора десятка мотоциклов и 3 танкетки, свыше тысячи винтовок с запасом патронов. Содержимое складов горючего и боеприпасов направили на нужды армии. Горожане с удивлением рассматривали непривычную советскую форму с погонами, петлицы остались в прошлом.

Большинство подпольщиков решили влиться в состав родной армии и дальше бить врага.

Статный лейтенант Чумак с восторгом хлопал по новеньким погонам лейтенантов-гвардейцев Черного и Савченко. Константин Васильевич Рябой с рукой, заботливо перевязанной медиками ревира, счастливо слушал освободителей.

Соборная площадь была полна людьми.

В результате восстания было уничтожено более трёх сотен фашистов 104-го полка. Итальянцы предпочли сдаться. Захватчики отступили к Новомосковску.

Люди прильнули к репродукторам, установленным на площади, жадно слушали такой родной голос Левитана "Говорит Москва!".

Два десятка боевых групп партизан общим количеством около 500 человек объединились под командованием Петра Кравченко. Пять дней город был свободен!

Манфред Генрихович вывез часть раненых на станцию Лозовую с помощью Ольги Быковой. Прямо в деревенских санях, снегу намело так, что колёсами не проехать. Через крупный санитарный узел чаще проходили санитарные поезда, следовавшие в тыловые госпитали. Там у раненых было больше шансов на выздоровление.

Конечно, без потерь невозможно никакое восстание. Многие погибли. Погиб и капитан Андросов из оперативного отдела штаба армии.

До самого Братского кладбища растянулась процессия. В бою Садовниченко потерял своего сына Якова, в застенках погибли Павел Дахно и Григорий Прохорович Куриленко. И многие защитники родного или ставшего родным города.

Тела убитых на маслозаводе подпольщиков немцы свезли в часовню. Там и нашли родственники Андрея Нестеренко его израненное тело. На нём была советская форма. Последний бой Андрей Никонович принял как советский офицер.

18 февраля наступление нашей армии на Днепропетровск было остановлено немецкой авиацией.

Началась оттепель, в лужах валялись убитые, обломки машин.

Сёстры и брат Андрея Нестеренко Терентий Никонович приехали из села Очеретоватое, добрались с трудом. Немецкие бомбардировщики заполнили небо. Вместе с товарищами Андрея подпольщиками они похоронили мужественного человека Андрея Никоновича Нестеренко там, где жила его мать, в колхозе Победа за Хуторами (сейчас это микрорайон Сосновка).

Железнодорожники станции Зайцево сообщили тревожные вести.

Фашисты отправили из Синельниково через Зайцево бронепоезд к восставшему Павлограду.

Решено было разобрать пути и замаскировать следы повреждений на перегоне 479-й километр силами отряда Кандаурова. Не пропустить железного монстра дальше Домахи, но и не подставить ещё не освобождённых местных жителей под расправу.

Расчет был на то, чтобы опрокинуть тяжеленную бронированную крепость с высокой насыпи.

Насыпь была плотно засажена лесополосой до самого села Очеретоватое.

Грохот обрушившегося вниз бронепоезда сцепленного с двумя платформами слился с воем паровозного гудка в единый предсмертный крик. Уцелевшие фашисты наткнулись на плотный огонь отряда Кандаурова. Погибла Вера Вовк.

19 февраля наше наступление наших на Синельниково было остановлено немецкими танками. Освобождённое накануне Зайцево атаковали немецкие танкисты и сожгли село почти полностью.

20 февраля гитлеровцы бомбили город и окрестности

непрерывно.

Ясная погода способствовала этому. Жители Павлограда пытались укрыться в ближайших селах, но добраться смогли не все. Летчики Люфтваффе расстреливали из пулеметов живые мишени, чётко различимые на белом снегу.

35-я Гвардейская стрелковая дивизия отступала на Лозовую.

Глава 28

Гитлер узнал о Павлоградском восстании во время визита в Запорожье. "Неистовый Адольф" пришёл в такую ярость, что приказал: "Перебросить с других участков фронта резервы, но любой ценой утопить проклятый город в крови расправ".

В группе армии "Юг" фельдмаршала Манштейна насчитывалось порядка тридцати дивизий, включая танковые и моторизованные. Мощное контрнаступление вынудило отступить наши войска Юго-Западного фронта за Северский Донец и в Богуслав.

Танковая дивизия "Рейх" двинулась на город со стороны Новомосковска.

24 февраля в газете «Правда» была напечатана статья военного корреспондента Руднева "Ветер с Днепра" о восстании в Павлограде. В статье был текст Воззвания, напечатанного подпольщиками. А в городе в это время зверствовали фашисты, стремясь отыгаться за своё позорное бегство.

Начальник Павлоградской полиции Василий Вивтанец ликовал – теперь полностью подтвердились его доносы на Клару Таблер. Этот иуда, успешно маскировавшийся на должности делопроизводителя до войны и успевший дока-

зять немцам свою преданность, снова вернулся, как ни в чём не бывало. Где эта крыса пряталась, пока город был в руках восставших, установить не удалось.

Возмездие настигнет этого садиста только в шестидесятые, двадцать долгих лет его разыскивали. Нашли в маленьком селе Одесской области.

В своей ненависти к подпольщикам фашистский холуй не гнушался лично расстреливать участников восстания. Его "правая рука" Маловик с упорством охотничьего пса выслеживал всех, кто лишь косвенно мог быть причастен к восстанию. Да никто из них особенно и не разбирался, достаточно было лишь подозрения или личной неприязни нацистских прихвостней. Из мужского населения города уцелели лишь подростки и древние старики. Замученных и расстрелянных после восстания было более восьми тысяч человек.

Особенно отличился вернувшийся вместе с фашистами палач гестапо Бондаренко, настоящая фамилия этого обрусевшего немца была Бопп.

Лозовая, Харьков и Белгород снова перешли в руки немцев.

После подавления восстания начальник карательного батальона СД написал в отчёте:

"Это не поддается пониманию – даже после всего, что мы сделали с горожанами, после жесточайших расправ, они снова заявляют о своём существовании дерзкими диверсиями.

Иногда мне кажется, что все наши старания впустую".

Только 18 сентября 1943 года Павлоград был освобожден окончательно.

Рота, которой командовал Константин Борисов, первой вошла в Павлоград, освободив город от оккупантов осенью 1943 года.

Украина была разграблена.

Маршал Кейтель приказал снять все ограничения в жестоким обращении с населением, даже в отношении женщин и детей. Отступающим вермахтом применялась тактика "выжженной земли" – пустыня, непригодная для жизни.

В маленьком Павлограде, где едва набралось тридцать тысяч жителей, фашисты замучили и расстреляли за время оккупации около девяти тысяч мирных жителей. Почти семь тысяч было угнано в Германию.

Более трёх тысяч военнопленных были зверски замучены в концлагерях города.

За время оккупации на территории Украины было уни-

чтожено более 16 тысяч предприятий, 400 шахт было выведено из строя, 714 городов было разрушено, сожжено 28 тысяч сёл.

Клара

Все эти события прошли мимо Клары, которая слегла в лихорадке ещё 12 февраля после сообщения о гибели отряда дорожной жандармерии Андрея Нестеренко.

Высокая температура не давала пробиться к её сознанию, туманила, смешивала реальность и видения. Ей казалось, что она снова среди своих бойцов в окружении немцев. Она металась в бреду и звала их, звала Андрея, звала Степана Чумака, просила прощение за то, что оставила их на дороге в Кривой Рог.

Надежные, многократно проверенные люди, у которых спрятали Клару, всерьёз обеспокоились её состоянием. Через связных попросили привезти опытного доктора. Доставленный к ней с большими предосторожностями Манфред Генрихович осмотрел женщину и вынес вердикт: полное нервное истощение на фоне сильной простуды. Организм не справился с колоссальной эмоциональной нагрузкой, и пси-

хика Клары отказывалась воспринимать известие о гибели её людей.

Детей из соображений безопасности не стали приводить к ней, оставили у матери Володи Алексеева, затем перевезли в семью Ольги Никифоровны и Веры Никифоровны Безуглых.

Только, когда организм начал справляться с болезнью, она смогла узнать Петра Онуфриевича и Степана Прибера, навещавших её с большой осторожностью.

Немцы, отвоевавшие западную окраину Павлограда, везде разыскивали фрау Таблер. Нужно было тайно переправить Клару в восточную часть города, ближе к нашим. Пётр Кравченко считал себя лично ответственным за её безопасность, ведь это он уговорил Клару пойти работать к фашистам в интересах подполья. С детьми ей не дали увидеться, малыши не понимали опасности и могли спровоцировать новый срыв, не говоря уже о том, что привлекали ненужное внимание.

Пётр сурово пресёк все попытки уговорить его:

– Потом, всё потом! Для их же безопасности.

С этим аргументом было глупо спорить, да и сил не было, шатало после температуры. По их просьбе хозяйка дома дала Кларе самое заношенное тряпье, в котором трудилась в огороде. Женщина помогла в несколько слоёв натя-

нуть одежду, чтобы придать фигуре силуэт толстой оплывшей бабищи. Старый облезлый платок и ватник завершали картину. Да, узнать в этой, ковыляющей в разбитых башмаках неряхе, стройную и подтянутую немку было совершенно невозможно. Пригодились старые очки, оставшиеся от старика-отца хозяйки дома. Надели очки, платок повязали так, чтобы полностью закрыть лоб. Бледные, растрескавшиеся от лихорадки губы давно не видели помады. Шарик из ваты за щеками дополнили портрет.

То, что надо! Осталось преодолеть путь до Богдановки. Клару покачивало от слабости. Если бы не Пётр, упала бы.

«Навстречу нашим! Только бы дойти... Жаль детей пришлось оставить, опасно... Дети – моя отличительная примета, а весь город оклеен портретами с обещанной наградой.

Вот и оценили фашисты мой вклад в нашу победу, щедро оценили..."

Не удалось разминуться с патрулём у Богдановки. Пуля ударила в спину Клары, и всё погрузилось в темноту.

Каким образом её доставили в расположение 6-й армии, Клара Таблер уже не видела.

После выздоровления сотрудники НКВД устроили Кларе Таблер-Новиковой скрупулёзную проверку, обвинив в пособничестве. Восемь месяцев: с марта 1943 по январь 1944 года эта смелая женщина пыталась доказать свою неви-

новность. Многие свидетели погибли, другие сражались на фронтах.

Из показаний Клары Таблер:

"В политотделе 6-й армии мы с Петром Кравченко написали отчеты о подпольной деятельности. Оттуда нас порознь направили в Старобельск".

Глава 29

апрель 1943

Старобельск

Этот следователь НКВД был совсем другой. Клара терялась, не понимала, чего ждать от него. Спокойные манеры, тихий голос пугал даже больше, чем крики "Костолома".

В такие минуты становилось легче, если удавалось вызвать в памяти родной голос деда: "Спокойно, девочка...", вдох – медленный выдох.

Этот прием много раз спасал её от приступов паники, давал собраться с мыслями.

Как всегда, сработало. Клара подняла голову и бросила осторожный взгляд на щелкающего зажигалкой следователя. Давняя привычка мысленно присваивать незнакомым людям прозвище проявилась, и внутренний голос выдал: "Лектор".

Действительно, этот мужчина чем-то напоминал лектора, выступавшего в офицерском клубе, куда Клара приводила своих курсантов ещё до войны.

– Знаете, – в его голосе мягко проявились доверительные интонации, – я в юности мечтал быть разведчиком, работать за границей. . . , но не сложилось. Наверное, поэтому мне очень интересны такие люди, как вы, Клара. Сейчас многие, сотрудничавшие с фашистами, клянутся, что выполняли задание.

Мой коллега, – в голосе слегка обозначился намёк на иронию, – следователь, который передал мне ваше дело, – Клара невольно выдохнула, – считает, что разбираться с такими незачем. Расстрелять – и дело с концом.

Он выжидающе помолчал, не дождавшись от Клары ни слова, продолжил:

– Мой старый преподаватель школьного драмкружка называл это "предлагаемые обстоятельства" Вот и я, разбираясь в подобных делах, пытаюсь представить свои действия в ваших обстоятельствах.

– Так вы хотели стать разведчиком или артистом?

Следователь выдохнул струйку дыма в луче настольной лампы:

– А эти профессии взаимосвязаны. Не находите?

– Да, вы правы. Вот только на сцене бездарная игра без-
опасна для жизни ...

Клара не стала договаривать, и так понятно.

– Эмпатия, которую я развивал в драмкружке, теперь по-
могает мне разобраться в мотивах подследственных.

Клара постаралась ничем не выдать удивление образован-
ностью собеседника. Немногие в этих стенах были озабоче-
ны эмпатией. "Вот только чем эта образованность обернется
для меня, – горькие мысли смяли робкую надежду, – хотя,
то, что этот человек хотя бы намерен разобраться, не заплыл
равнодушием, как "Костолом".

– Конечно, – продолжил он, – я не мать троих детей и, при
всём старании, мне не дано проникнуться вашими чувства-
ми, но моя логика подсказывает, что ни одна мать не будет
рисковать жизнями детей, даже ради самых светлых идей.

– Да-да, именно такие логические выводы моего шефа до-
рожной жандармерии укрепили его в моей лояльности рей-
ху.

Клара мысленно застонала: "Боже, какая дура, ведь такое
сравнение может его оскорбить..."

Но неожиданно мужчина расхохотался. Звуки смеха в этих стенах звучали дико. "Театр абсурда", – мелькнула мысль. Похоже, близкое сравнение пришло в голову следователя, и он снова стал серьёзным.

– Вы парадоксальная женщина.

Клара не решила чего в этом в этом выводе было больше: восхищения или осуждения.

– Ну, хорошо, – он прихлопнул рукой по раскрытой папке, словно отсекая этот этап разговора. – Давайте подробнее поговорим о том, какие проверки вам устраивал "шеф", – он намеренно выделили интонацией последнее слово.

"Точно, лектор, – подумала Клара, – тот, довоенный, тоже любил повторять: "Давайте подробнее поговорим ..." Мне нужно сосредоточиться, не просто выполнять все проверки, но и объяснить логику своих действий, не подставить себя под выводы, очерняющие мои поступки".

– Знаете ... , – Клара запнулась, не зная, как обратиться к нему.

– Можете обращаться ко мне просто на "вы". Я слушаю.

– Я хочу пояснить, что я постоянно была в ожидании проверки, немцы всегда были менее эмоциональны, чем наши соотечественники ...

– А вы?

– Я?

– Вы себя к кому причисляете? К немцам или к соотечественникам?

– Так вот, я с детства задаю себе этот вопрос. И только война дала мне на него ответ.

– Хотите откровенно?

Это прозвучало неожиданно, и Клара кивнула.

– Никогда не считал немцев глупее нас, – он выпустил струйку дыма, – видимо, поэтому ваше сравнение "шефа" со мной не звучит для меня обидно. Я отдаю себе отчет, что именно верная оценка врага помогла вам избежать провала. Тем интереснее мне разобраться в вашей истории.

Я отправил запросы по всем подпольщикам, кто может подтвердить ваше участие.

Клара попыталась ответить, но следователь приподнял ладонь, не давая себя прервать:

– Да, я уже понял из материалов дела, что о вашей истинной роли никто практически не знал, чтобы оградить вас от провала. Из вашего отряда жандармов, направленных на кожевенный завод, одному бойцу удалось выжить и добраться к нашим. Сейчас мы разыскиваем его.

– Скажите, кто выжил?

– Это местный житель, пока могу сказать только это.

Уже после войны Клара Адольфовна узнала, что единственным уцелевшим после боя группы Нестеренко оказался Дмитрий Васильевич Кравченко, однофамилец Петра Онуфриевича.

Прошли долгие десять месяцев, пока следователю удалось найти людей, подтвердивших невиновность Клары и её вклад в спасение наших пленных и участие в подполье. Многие погибли, ушли вместе с наступающей Красной Армией, попали в госпитали, а после – в другие военные подразделения.

После войны

Полковник Пётр Онуфриевич Кравченко после всех проверок служил в Советской Армии. Позже преподавал на военной кафедре института иностранных языков в Москве до 1953 года.

После отставки жил в Кисловодске.

Похоронен Пётр Онуфриевич осенью 1959 года в Павлограде.

Испытания в жизни Клары Адольфовны не закончились и после войны.

В 1946 году Клара Таблер жила с детьми в Павлограде на улице Ленина, 71. Именно на этот адрес ей пришёл ответ о розыске мужа.

Подробности его гибели не известны, в документах указано: Виктор Яковлевич Новиков погиб в августе 1943 года. "Пропал без вести".

После войны её наградили медалью за участие в партизан-

ском движении «Партизану Отечественной войны».

Клары Адольфовна работала в больнице, затем в детдоме, тихая сестра-хозяйка жила очень скромно. Ей казалось, что всё самое плохое в жизни уже случилось.

В 1947 году её обвинили в недостатке во время ревизии и приговорили к пятилетнему заключению. Дело было, скорее всего, сфабриковано.

Галина Пасько, лично знавшая Клару, на встрече с ветеранами сказала: "Я категорически утверждаю: клеветники и карьеристы строили своё благополучие, преследуя неподкупную Клару, ибо она никому не позволяла врать о подполье".

Пётр Антонович Ткаченко, учитель истории школы № 3 много сил отдал восстановлению справедливости, за что был исключен из рядов коммунистов.

Пока Таблер была в тюрьме, её сын Виктор сбежал из Павлограда, был принят в Суворовское училище, как сын погибшего.

В 1954 году Клара Адольфовна трудилась бракёром в бригаде Легпромкомбината.

Её подвиг не нашёл отражения в воспоминаниях и мемуарах участников подполья, признанных партией. Эта достойнейшая и мужественная женщина незаслуженно забыта.

Все почести и награды достались «видным коммунистам города».

История – предмет постоянных спекуляций и манипуляций в угоду формирования общественного мнения.

Комиссия по делам бывших партизан Украины лишь в октябре 1967 году выдала Кларе "Партизанский билет".

Умерла Клара Адольфовна Таблер-Новикова в 1984 году 9 февраля.

В один день с Андроповым.

Манфред Генрихович Эсси-Эзинг ушёл после восстания с отступающей Красной армией.

Спешил доставить тяжелораненых в ближайшую к фронту санитарную часть.

Служил рентгенологом в 8-й гвардейской армии. Участвовал в битве на Курской дуге, был ранен, но вернулся в строй. Манфред Генрихович нашёл свою жену Елену Ивановну.

До конца войны служил начальником войскового лазарета № 112, вместе с женой.

Оба награждены медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В июне 1950 Манфред Генрихович Эсси-Эзинг был назна-

чен главврачом Артека.

Позже, отказавшись от пенсии, трудился рентгенологом в ялтинском санатории «Энергетик».

Ветераны, спасенные из лагеря, всю жизнь помнили Манфреда Генриховича Эсси-Эзинга – замечательного врача, интеллигентного и очень скромного человека. Во время его работы в Ялтинской городской больнице, в шестидесятые годы Рижская киностудия выпустила документальный фильм об этом удивительном человеке.

В одном из интервью этот скромный врач сказал:

«Конечно, это возможно было сделать только при помощи четкой организации, при помощи многих людей, рисковавших жизнью. Бесчеловечной фашистской машине уничтожения была противопоставлена организация людей: подпольный горком коммунистической партии включил нашу группу медиков в общую сеть Сопротивления. Мои подпольные клички были «Святой» и «Батя». И в самом деле, я годился в отцы почти всем своим подопечным – ведь им было по двадцать, а мне – сорок ...»

«В жизни мне повезло. В Средней Азии в меня стреляли басмачи – не убили. На войне был трижды ранен – выжил! А главное – повезло в том, что людям смог помочь».

«Святым» называли его сначала из-за венчика седых волос. А потом слово это стало уже не кличкой подпольщика,

а метафорой, лучше всего рассказывающей об отношении к нему людей. Иногда Манфреда Генриховича называли «Доктор Осень», вероятно из-за фамилии, которую он упростил: «Эссен».

На встрече с подпольщиками Павлограда в 1967 году Манфред Генрихович вспоминал:

«Многие павлоградцы считали меня погибшим. Но я воскрес...

Когда в Павлоград, освобожденный от оккупантов, вошли войска Советской Армии, я сразу явился в часть, ведь я по-прежнему считал себя военнообязанным: в плену мне удалось сохранить под пластырем на раненой ноге и военный и партийный билеты. Врачей не хватало, и меня тут же отправили хирургом в армейский госпиталь. Товарищ, который должен был передать мое сообщение подпольщикам, погиб. Так я «умер» для павлоградцев.

И ещё раз меня «воскресил» Андрей Вознесенский, когда написал балладу «Доктор «Осень» и в предисловии указал мой адрес. И снова посыпались ко мне письма и фотографии от старых друзей, с которыми соединяла нас борьба против фашизма и против смерти ...

... И вот после войны от Ивана Матвеевича Лысенко пришла фотография с надписью: «Лучшему другу и отцу нашему дорогому, смелому, умному руководителю группы врачей лагеря, моему спасителю от расстрела»».

Поэт Андрей Вознесенский посвятил герою доктору балладу.

Фрагментом она вошла в поэтическую композицию, поставленную в театре на Таганке. Актеры отнеслись к теме с большим энтузиазмом, многие зрители плакали.

В музее Днепропетровского мединститута хранились личные вещи Эсси-Эзинга: диплом, фронтовые письма и листовки. Легендарный доктор, посетив этот музей, оставил в книге почётных гостей запись:

«Любите Отчизну и родной институт. Как мы, старшие, дорожите их славой!».

Истории о жизни этого человека настолько удивительны, что многими до сих пор воспринимаются как легенды. Майор медицинской службы Манфред Генрихович Эсси-Эзинг был человеком и вправду легендарным. О подвигах ялтинского врача свидетельствуют толстые папки архивных материалов.

Умер Манфред Генрихович Эсси-Эзинг 15 июня 1977 года в городе Ялте.

«ДОКТОР ОСЕНЬ»

Вознесенский А. А.

1

Главврач немецкого лагеря,
назначенный из пленных,
выводит ночами в колбе
невиданную болезнь,
машины увозят мертвых,
смерзшихся, как поленья,
а утром ожившие трупы
стригут автоматами лес.

2

Доктор Осень, ах, доктор Осень!
Занавеска затенена.
Над спиной твоей, будто оспиной,
пулей выщерблена стена.
Над баракom витают стоны.
Очи бешеные бессонны.
На полосках слепых петлиц
следы кубиков запеклись.
Корифеи из Лабрадора,
Павлов, Мечников, Гиппократ,—
все дерзали в лабораториях,
рисковали – но чтобы так?!
Чтоб от виселицы в трех метрах,
в микроскопном желтом глазке,
жизнь искать в волосочке смерти —

сам от смерти на волоске?!

Это надо быть трижды гением,
чтоб затравленного средь мглы
пригвоздило тебя вдохновение,
открывающее миры.

И, сорвавши флажок финальный,
ты не можешь вскричать: «Нашел!..»

Спи, башку свою гениальную
уронив на дощатый стол.

Доктор Осень засыпает. В это время колба с шипением
раздувается, как кобра, вверху.

Из неё появляется Мефистофель.

Он круглолиц, чисто выбрит, стрижен под полубокс.

Мефистофель:

Хайль Гибель!

Я, коллега, к вам делегатом
с предложением деликатным.

Вы дотронулись до рубильника
биологического баланса.

Жизнь и смерть – вопросы глубинные.

Не опасно ли баловаться?

Гуманисту-врачу прелестнее

Изобрести леченья, а не болезни.

Ваш поступок осудят гордо

непорочные медики мира,
встав в халатах по горло,
как бутылки с кефиром.
Все согласовано в природе.
Луна, корова, лук-порей.
Народовольцы производят
естественный отбор царей.
Я ведь тоже не всем довольный
(вспомните эпизодик с Фаустом).
Остановить мгновение?
Всегда пожалуйста!
Вы ж изволите недозволенного.
Микро смерть ваша – как Аттила,
вдруг взалкает сверх эпидемий?
Хватит дрессировать бациллу.
Завернем в погребок питейный.
Там за импортною снедью
пофлиртуем с юной смертью.
Раздавим банку на троих.
Там мне пониженный тариф.
(За окном кричит Петух)
Мефистофель (с досадой передразнивая):
Кукареку!
Кукареку!
Пора!
Приветик конкуренту!

(Исчезает.)

(пробуждаясь):

Условный знак. Нет перемен.
Ребята, значит, в партизанах.
Ори, петух! Конец терзаньям.
Да здравствует эксперимент!

3

(смотрит в микроскоп)

Что прозревающему видно,
нам не дано.

Он в груше видит сердцевину.
под морем – дно.

Он с кислорода, как с осины,
сдерет кору.

О тыщи гусениц красивых
в микромиру!

Галактики кишат гирляндами.

Нам воздух – пуст,
ему же, как в компотной склянке,
цветаст и густ.

И в ваши радостные ноздри,
как в свод метро,
микробов Навуходносоры
бегут пестро.

Он видит тайные процессы,

их негатив,
пунктиры факельных процессий
сквозь никотин,
и в наливающийся кровью
рябины лист
распада божии коровки
поразбрелись.

Будь осторожнее – растопчешь
любовь незримую.

Будь настороже – злой росточек
в атаку ринулся.

Скорее, врач. На то и зрячий.

Ори: «Чума!»

А людям воздух чист, прозрачен
(Чай, лаборант сошел с ума!).

С обмолвки началась религия.

Эпоха – с мига.

И микроусик гитлеризма
в быту подмигивал.

Микробрижжит, микрорадищев,
и микрогегель...

Мильон поэтов, не родившихся
от анти-бэби.

А в центре – как магнит двухполюсный,
иль нерв дрожит,
лежит личиночка двуполая,

в ней – Смертожизнь.

Аминь!

Жизнь для цыпленка, смерть – для скорлупки —
жизнь.

Дзинь!

Чьи очки под колесами хрупнули?!

Дзинь...

Жизнь

к волчонку бежит

в зубах с зайчихиной —

смертью?

Смерть

в ракетах лежит,

в которых гарантия жизни?

Жизнь

зародилась из бездн,

называемых смертью.

Смерть

нам приносит процесс,

называемый жизнью.

Дзинь...

Великий превратится в точку.

Искра – в зарю.

Кончины наши и источники

в микромиру.

Ты наравне с Первосоздателем
вступил в игру,
мой Доктор, бритый по-солдатски,
зло изменяющий к добру.

4

Какая мука – первый твой надрез
под экспериментальную вакцину
связисту, синеглазому, как сыну!..
А вдруг неуправляема болезнь?..
Имеем ли мы право вызвать смерть?
Вдруг микросмерть взорвется эпидемией?
А где-то под тобою Оппенгеймер
над атомом неловок, как медведь...

Эпилог, в котором автор встречается с героем, ну, вот мы
и повидались.

Кабинет рентгенолога – исповедаляня.
Кто-то зябко за локоть меня пододвинул.
Я замер.
глядел сквозь меня
золотыми глазами.
Я узнал эти Очи,
человечество зрящие.
Что ты зришь во мне, Осень,

в жизни – нужной иль зряшной?
Где, какие разрухи, полеты, пороки
и затоптанные болевые пороги?

Его – Время язвительно
изнутри оглашало собою.

Пусть мы скромны и бренны.

Но, как жемчуг усердный,
вызревает в нас Время,
как ребенок под сердцем.

И внезапно, как слон,
в нас проснется, дубася,
очарованный звон

Чрезвычайного Часа.

Час – что сверит грудь клетку
с гласом неба и Леты,

Час набатом знобящим,
как «Не лепо ли бяше».

Час, как яблонный Спас
в августовских чертогах.

Станет планка для вас
подведенной чертою.

Вы с Россией одни.

Вы услали посредников.

Смерть – рожденью сродни.

В этом счастье последнее.

Тогда вздрогнувший Блок

возглашает: «Двенадцать».

Отрок сжался в прыжок
к амбразуре прижаться.

Для того я рожден
под хрустальной синью,
чтоб транслировать звон
небосклонов России.

Да не минет нас чаша
Чрезвычайного Часа».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже сейчас, в двадцать первом веке, многие историки высказывают сомнение о целесообразности Павлоградского восстания, обвиняют подпольщиков в напрасной гибели горожан в результате расправы фашистов над мирным населением.

А тогда каждый день, приближавший освобождение казался смыслом и целью жизни. Только бы стереть самодовольство на вражеских мордах и презрение к "низшей расе". Не дышать с ними одним воздухом. Не пробираться по улице, как по минному полю, в ожидании облавы или окрика на чужом, лающем наречии.

Уже семьдесят лет не стихают споры об этом событии. Слишком много людей, их впечатления, разное восприятие, выводы и, наконец, интересы сошлись в фокусе.

Каждый из участников и свидетелей этих пяти дней видел свою версию восстания, доступную из той точки, где находился каждый конкретный человек.

Каждая из двух десятков групп, участвовавших в восстании, видела своё собственное восстание, именно тогда и там, где развивался каждый конкретный эпизод.

Что же говорить о сегодняшнем восприятии, спустя 80

лет, сквозь все слои домыслов, поправок, а то и откровенных мифов.

«У победы много отцов, поражение – всегда сирота». Лучше не скажешь.

В те короткие пять дней было не до фиксации событий документалистами, а память человеческая, чаще всего, избирательна.

Многие погибли, многие навсегда уехали, после войны осели в других краях. Многие из партийных бонз, вернувшись из эвакуации, стремились получить свою долю почестей и привилегий, часто за счет настоящих героев.

Вмешалось столько разных интересов!

Именно поэтому у каждого заметного исторического события такое множество версий.

Как всегда в таких случаях, значительное влияние на последующее изложение подробностей восстания в книгах и статьях оказала идеологическая составляющая.

Многое из того, что я слышала на пионерских сборах, звучало иначе, чем было представлено на стендах городского музея. Не говоря уже о тех подробностях, которые обсуждались в кругу семьи.

В любом случае, оспаривать сам факт восстания и освобождения города накануне наступления нашей армии не имеет смысла.

Всё это действительно было.

И все попытки обесценить этот подвиг, особенно последние двадцать лет, тщетны.

Сколько бы ни переписывали учебники истории в угоду сиюминутным шкурным интересам, где-то в недрах архивов хранятся отчёты штабов партизанского движения, следователей военной прокуратуры, донесения подпольщиков, разведчиков, свидетельства очевидцев.

Надеюсь, когда-нибудь у наших потомков найдутся силы и время всё это изучить и восполнить пробелы. Когда-нибудь нашим странам дадут возможность спокойно жить. Вдруг Господь смилуется над нами, и раковая опухоль НАТО перестанет терзать Землю.

А пока...

Если эта книга, хотя бы вызовет интерес к тем далёким событиям, я буду счастлива.

2020-2023